

СИСТЕМНАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассмотрено применение фрактального метода классификационных исследований, разработанного в Новосибирском научном центре СО РАН. Построена периодическая библиографическая система этнографической историографии. Все проанализированные понятия образуют лишь часть пирамиды слов языка, упорядоченные по смысловому содержанию и степени общности обозначенных в тексте понятий. В этом случае структуру предметного поля историографии этнографии можно представить в виде сложной системы, отраженной в системной библиографической классификации наук, в которой каждая компонента (понятие) также является системой, имеющей собственную структуру и занимающей семантическое пространство под данным понятием.

Ключевые слова: системная классификация; общая историография; теоретическая историография; комментарийная историография; хроникальная историография; концептуальная историография.

Структуру предметного поля историографии этнографии можно представить в виде сложной системы, отраженной в системной библиографической классификации наук, в которой каждая компонента (понятие) также является системой, имеющей собственную структуру и занимающей семантическое пространство под данным понятием.

Данная классификация предполагает использование законов диалектики для выявления системных связей между понятиями. При этом содержание самой модели раскрывается посредством шести следующих один за другим понятийных образований, начиная с опорного понятия и кончая пятиэлементной группой.

Подобная классификация имеет следующие свойства: упорядоченность по определённому критерию, периодичность, структурированность [1, 2].

Однако это предположение требует дополнительного осмысления, поскольку тесная взаимосвязь компонентов усложняет определение внутренней структуры каждой составляющей. С.А. Токарев достаточно полно в этом плане описал задачи историографа: «Что является главным предметом истории этнографии как науки? Кажется бы, те взгляды и то понимание этнографических проблем, которые мы находим в трудах виднейших деятелей данной науки. Так-то оно так, но в этом ли самое важное? Конечно, знать индивидуальные взгляды ученых, особенно корифеев науки, важно, даже необходимо, но... еще важнее другое. Индивидуальные взгляды остаются индивидуальными взглядами, тем более они не оказывают прямого влияния на общее состояние данной науки, если они не создают в какой-то мере известное направление в этой науке. Именно эти направления, выражающиеся в трудах и воззрениях отдельных (крупных и рядовых) ученых, – вот что особенно важно для историографа. Больше того. И сами эти направления в данной науке представляют интерес не столько сами по себе, сколько: а) по тому, как отразились в них общественные взгляды определенной эпохи, определенного народа, определенного социального класса, и б) по тому, как они сами оказывали и оказывают влияние на общественное сознание, на идеологию эпохи, страны, класса, народа. Ведь наука, которая замыкается в себе самой и не оказывает воздействия на жизнь, вообще не есть наука» [3. С. 8–9].

Следуя этой логике, мы отобразили данный подход в виде классификационного фрагмента (рис. 1).

В классификационном фрагменте в качестве опорного понятия приведена «Общая историография этнографической науки», задачей которой является обобщение путей исторического познания прошлого, движущих сил прогресса этнографической науки, закономерностей появления и смены этнографических направлений и школ, мер объективной истинности, созданных ими концепций.

В качестве двойной группы представлены комментарийная и теоретическая историография.

Комментарийная историография является наиболее распространенным видом историографического описания, основанной на простейшей констатации известных фактов. При этом все рассуждения, пояснительные и критические замечания о чём-нибудь считаются излишними, так как, по мнению этих исследователей, всё понятно и объяснения не нужны. Подобные построения часто носят произвольный характер и учитывают лишь одну из сторон науки – политическую. Впрочем, это естественно, поскольку парадигма этнографического знания всегда была политизирована и зависела от официальных установок общества. Да и сами этнографы находились часто под жёстким идеологическим прессом. Но столь традиционный подход не учитывает субъективных характеристик внутреннего мира исследователей, сложившихся у них научных и идеологических представлений, господствовавших на момент тех или иных событий научных парадигм. Кроме того, «историограф не может ограничиться констатацией “живучести” концепций, идей и взглядов, что проявляется в идейном наследии научной школы и даже порой в книгах и статьях противоположного научного лагеря» [4. С. 81]. Такое историографическое направление ничего общего не должно иметь с обзорографией, когда дано простое перечисление книг и статей, поставленных в «хронологический ряд», без выявления вклада в развитие исторической науки [Там же].

В качестве второго диадного понятия приведена «Теоретическая историография», задачей которой являются: анализ источниковедческой базы, характера использования этнографических источников, конкретных методик исследования этнографических фактов; определение места этнографических научных школ и направлений в установлении и систематизации этнографических фактов; изучение организации и форм исследовательской работы в области этногра-

фии, включая систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров; анализ

проблематики этнографических исследований, ее развития и расширения (рис. 1).

Общая историография этнографической науки					
Комментарийная историография			Теоретическая историография		
Хроникальная историография этнографии		Источниковая историография этнографии		Концептуальная историография этнографии	
Конференции	Биографический подход	Обзорная историография	Аналитическая источниковая историография	Организационные характеристики науки	Научные школы
Антропологическая историографическая методика					
Локальная историография	Региональная историография	Страноведческая историография	Континентальная историография	Мировая историография	

Рис. 1. Классификационный фрагмент «Историография этнографической науки»

Теоретическим проблемам истории этнографии посвящена серия работ за рубежом и в России. Приведем некоторые из них. Прежде всего, следует упомянуть две монографии С.А. Токарева, изданные в 1978 г.: «История зарубежной этнографии» [3] и «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)» [5]. В советские годы этими трудами часто и охотно пользовались студенты исторических факультетов, а также отечественные профессионалы-этнографы. В «истории зарубежной этнографии» С.А. Токарев с критических позиций марксистской идеологии рассмотрел западные этнографические теоретические направления и школы.

В западной теоретической антропологии действительно существовало переплетение нескольких традиций и парадигм при рассмотрении вопросов о взаимосвязанности этнокультурных элементов процессов. Раппапорт писал: «С момента возникновения антропологии в ней присутствует две тенденции. Одна из них, черпая вдохновение в биологических науках, стремится найти объяснение и причину, а со стороны наиболее амбициозных исследователей даже открыть общие закономерности. Другая же определяется влиянием философии, лингвистики и гуманитарных наук и оказывается открытой для знаний, добываемых субъективным путём, а также предпринимает попытки интерпретации и стремится к уяснению полученного» (цит. по: [6. С. 7]).

В 70–80-е гг. XX столетия, когда «неопозитивизм и критическая теория превратили вопрос о состоятельности теорий в главную проблему теоретической антропологии, смена теорий в истории науки стала занимать ведущих антропологов, а история антропологии стала частью теоретической антропологии. Именно критика эволюционизма, а затем и других ведущих направлений антропологии вызвала вспышки историографической активности» [7. С. 9].

Так, в 80-е гг. XX в. – 2000-е гг. вышел ряд работ английских и американских антропологов, среди которых можно отметить книгу Джона Хонигмена [8]. Джон Хонигмен критически оценивал предшествующие концепции антропологии и утверждал, «что этнопсихологи, пользуясь психологическими понятиями, не оставляли этнографического подхода, при этом этнопсихологи изучали реакции и инстинкты, поведение индивида в их связи с социальной средой» [9. С. 169].

В 1981 г. вышла историографическая работа Э. Эванс-Причарда «История антропологической

мысли» [10], посвященная не только роли учёных XVIII–XX вв. в развитии теоретической мысли в социальной антропологии, но и определению места теории в научном познании, а также её роли во взаимодействии антропологии с социологией и историей. В своих поздних работах Эванс-Причард развивал идею о необходимости приблизиться как можно ближе к ментальности туземного населения с целью перевода их понятий и идей на язык своей культуры. В этом смысле Эванса-Причарда можно рассматривать как одного из основоположников интерпретационного направления.

В 1985 г. вышла книга Элмана Сервиса «Век контroversы. Этнологические вопросы с 1860 по 1960» [11], в которой рассматривались разногласия между Мэнном, Бахофеном, МакЛеннаном и Фюстелем де Куланжами относительно характера раннего общества, споры о формах брака, терминологии родства. Были подвергнуты критике ошибки и недостатки работы Льюиса Х. Моргана, в частности его номенклатура родства. Большое внимание было уделено характеру эволюционных преобразований общества – от примитивного общества до цивилизации.

В 2000 г. вышла книга эдинбургского антрополога Алана Барнарда «История и теория в антропологии» [12]. Алан Барнард написал продуманный учебник, в котором исследуются исторические контексты теорий и научных школ, и произвёл их оценку. В учебнике отражены: эволюционизм во всех его проявлениях, диффузионизм, функционализм, процессуальные и марксистские перспективы, а также многогранность релятивизма, структурализма и постструктурализма и, наконец, интерпретационные и постмодернистские точки зрения.

Другой теоретической проблемой этнографии была проблема абстрагирования, «стерилизации» культуры в научных монографиях. Эта проблема всегда была достаточно сложной и даже болезненной для этнографов-полевиков, долгие месяцы живших в самой гуще чужой культуры и воспринимающих её как совокупность конкретных *людей*, ведущих экзотический, иногда не очень приятный, всегда в той или иной степени странный образ жизни. Научное абстрагирование в таком случае сродни умерщвлению, но и совсем отказаться от него – значит, выдать себя, оказаться голым и безоружным перед всем миром [6].

В науку, наконец, пришло понимание субъективности исследователя и осознание его деятельности

как интерпретации [13, 14]. Ушло в прошлое представление о том, что исследователь может создавать объективную картину реальности, оставаясь исключительно на позиции внешнего наблюдателя, самоустранившись от собственного предмета. Клиффорд Гирц сделал попытку решить эту проблему, заменив теоретические обобщения интерпретацией. Это, помимо прочего, дало возможность сохранить в книгах приметы жанра полевых заметок, а следовательно, сохранить детали и чёточки, подробности и осадок недопонимания, портреты реальных людей, в том числе самого автора – такого, каким этнограф был в момент исследования. Подход К. Гирца был достаточно новым как к предмету исследования, так и к исследовательским стратегиям. Таким способом Гирц пытался решить задачу, поставленную еще Б. Малиновским: «уловить точку зрения местного жителя, осознать его видение его мира».

Полевые дневники резко отличались способами конструирования реальности от написанных на их основе монографий. Особенность полевого дневника состоит в том, что изучаемая культура имеет здесь гораздо больше шансов «проговориться», это не столько ее «право», сколько одна из конструктивных черт данного жанра письма. При этом «Интерпретация», по мысли Гирца, свидетельствует о таком сближении позиций ученого и носителя культуры, при котором исследование становится не (ре)конструированием, а чтением набора текстов-событий, при котором стратегия исследователя состоит в том, чтобы, погрузившись в сеть взаимоотношений людей, научиться читать этот текст на их языке [15].

Монография, в отличие от дневника, – «продукт интерпретации “второго порядка”, создавая ее, исследователь имеет дело уже не с реалиями, а с текстом, описывающим эти реалии (своими дневниками). Часто происходит так, что в процессе вторичной интерпретации собственное “я” исследователя прячется за аналитическими построениями, а изложение материала в соответствии с методологическими установками автора превращает реальную культуру в сконструированный им объект» [Там же].

Для иллюстрации сказанного О. Христофорова приводит два примера: «Британский антрополог Бронислав Малиновский, основатель структурного функционализма, в 1914–1916 гг. работал в Меланезии, результатом чего явились несколько монографий, в том числе “Аргонавты западной части Тихого океана” (1922). Но свои полевые дневники Малиновский публиковать запретил. И когда в 1967 г., через 25 лет после его кончины, они были опубликованы, это произвело настоящий шок в антропологическом сообществе – настолько по-иному представляла культура тропианцев в дневниках по сравнению с давно и хорошо известными монографиями. В дневниках Малиновский описывал свои впечатления, эмоциональные реакции, сомнения и недовольство, позволял себе суждения и мнения, и следа которых нет в его книгах, где он чрезвычайно осторожен и сдержан в выражении личной позиции. Другой пример. Клод Леви-Стросс, в 1930-е гг. проводивший полевые исследования среди индейцев Бразилии, подытожил их резуль-

таты в нескольких книгах. В “Печальных тропиках” (1955), написанных в жанре путевых заметок, герой повествования – сам автор, отправившийся в волшебное странствие в затерянный мир и вернувшийся оттуда умудренным и познавшим горечь расставания. В “Структурной антропологии” (1958) и “Первобытном мышлении” (1962) дневниковая манера письма исчезает, перед нами – научные монографии, преследующие совсем иные цели. Именно эти книги изучают студенты университетских отделений антропологии, в то время как «Печальные тропики», прекрасная книга, воспринимается как не очень серьезная литература, предназначенная разве что для чтения на досуге» [15].

Такой же позиции придерживались и некоторые сибирские учёные, которые считали, что «иллюзорность объективности результатов, полученных при внешнем наблюдении, связана в первую очередь с тем, что собственное “Я” исследователя неизбежно влияет на его научные интерпретации и вторгается в теоретические выводы» [16. С. 25].

Первое триадное понятие – *«Хроникальная этнографическая историография»*. Сравнивать «новую» и «старую» этнографическую науку возможно на нескольких уровнях. Среди них особое значение имеет рассмотрение истории этнографической науки в хронологической последовательности процесса накопления знаний. «В историографии больше, чем в любой другой общественной науке, должна соблюдаться хронологическая последовательность в изложении накопившихся знаний, добытых, как выразился Ф. Энгельс, «сменяющимися друг друга поколениями» исследователей. Энгельс так определил эту задачу: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме...» [17. С. 100]. Раскрытие истории добытых знаний в хронологической последовательности – аксиома историографической работы. «Большинство историографов придерживаются хронологическо-тематической формы исследовательской работы. Она дает возможность провести классификацию и группировку работ по этапам и темам, рассмотреть развитие науки в целом или отдельных ее проблем с момента возникновения до уровня, достигнутого ко времени, которым ограничено предпринятое исследование. Рамки и особенности этой формы позволяют выявить господствующие идеи, взгляды и концепции авторов исторических трудов, их изменения в процессе развития науки, объективные и субъективные причины, вызвавшие эти изменения. Преимущество этой формы состоит в том, что она способна выявить переломные качественные сдвиги в развитии научного знания, общее состояние науки и отдельных ее проблем» [4. С. 118–119].

В этнографии хронологический подход представляет собой раздел историографии, занимающейся описанием этнографических исследований в их хронологическом порядке. Данный процесс фиксации этнографических событий является одним из необходимых элементов этнографической историографии. При таком подходе можно увидеть в истории любой

дисциплины, прежде всего перечень открытий или других событий. Почти каждое монографическое или диссертационное исследование начинается с описания истории исследования народа, памятника, географического района в хронологическом порядке. Чаще всего такие обзоры представляют собой сводку, содержащую характеристику публикаций, появившихся за определенный период и объединенных с помощью специальной, обычно присущей только данному обзору рубрики.

Примером хронологического обобщения хода развития науки о человеке является книга Томаса Пеннимана «100 лет антропологии». Понимая антропологию как всю совокупность знаний о человеке, Пенниман делит всю ее многовековую историю на четыре периода [3, 4]:

1) период формирования (formulary period) – от античной Греции до 1835 г., характеризующийся разрозненными идеями о человеке, его физической природе, психике и культуре, накоплением фактических знаний, путешествиями, описаниями стран;

2) период конвергенции (convergent period) – 1835–1859 гг., которому сопутствовало стремление синтезировать археологические, соматические, лингвистические, культурные данные о человеке, свести в единую науку, вдохновляемую идеей эволюции; завершением этого синтеза Пенниман считает выход в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина (1859);

3) конструктивный период (construction period) – 1859–1900 гг. – от появления этого труда Дарвина и от общего признания найденных Буше де Пертом древних каменных орудий до конца столетия. За этот период были созданы классические концепции развития человека, построенные на сочетании данных археологии, палеонтологии, лингвистики, «технологии» (эволюция предметов материальной культуры) и, самое главное, сравнительного изучения культурно отсталых народов. Ведущие идеи этой эпохи – дарвиновская «борьба за существование», «естественный отбор», «выживание наиболее приспособленного»; но многие из создававшихся в ту пору концепций страдали чрезмерной упрощенностью, прямолинейностью;

4) «критический» период – 1900–1935 гг. – ознаменовался стремлением к пересмотру этих не всегда оправдывавших себя концепций. В то же время необычайно возросший количественно материал науки о человеке делает все менее возможным для одного ученого охватить его целиком; отсюда новая тенденция – к распадению единой «антропологии» на ее составные части, ослабление контакта между ними; зато вновь создаваемые новые концепции, более прочные и обоснованные, могут считаться подготовкой (в недалеком будущем) нового конструктивного периода;

5) период конвергенции и консолидации (period of convergence and consolidation), начинающийся с 1935 г.

Историографический обзор Томаса Пеннимана, по мнению С.А. Токарева, ценен своим стремлением уловить связь идей, найти общее в достижениях смежных наук – этнографии, соматической антропологии, археологии, языкознания, – понять дух эпохи,

отразившийся в трудах даже самых непохожих один на другого авторов. При этом Пенниман отмечает, хотя и вскользь, связь научных исследований с социальной и политической историей той или иной эпохи. Минусом же этого обзора можно считать то, что, увлекшись чисто хронологическим членением истории науки, автор недостаточно разграничил в пределах каждого отдельного периода – особенно это касается последнего, критического периода – разные направления, по своим тенденциям нередко прямо противоположные друг другу. Не выделены, например, как особые течения фрейдизм, функционализм, американская школа Боаса [3].

«Источниковедческая этнографическая историография» – второе понятие тройной группы отрасль этнографической историографии, изучающая историю этнографического знания на основе вещественных, устных и письменных источников. От этнографических источников, полноты, их репрезентативности, информационной достоверности, объективности, уровня обработки, научной критики и методов использования во многом зависят качество и эффективность историографических исследований в этнографии. Исследование этнографических источников в современных условиях «приобретает большое теоретико-методологическое значение, они тесно соприкасаются с теорией исторического познания. От историографических источников, полноты, их репрезентативности, информационной достоверности, объективности, уровня обработки, научной критики и методов использования во многом зависят качество и эффективность историографических исследований» [4. С. 116].

Третье понятие тройной группы **«Концептуальная этнографическая историография»** – отрасль этнографической историографии, занимающаяся изучением теоретико-методических принципов, присущих каждому направлению этнографической мысли, исследованием этнографических концепций, созданных различными этнографическими направлениями и школами, выявлением моментов преемственности этнографического знания.

Общий подход в развитии концептуальной этнографической историографии, по мнению Л.С. Клейна, возможен в трех основных вариантах – кумулятивизм, дисконтинуизм и комбинационизм [6. С. 10–11].

1. Первый вариант представлен кумулятивной концепцией развития науки, характеризуется постепенным накоплением фактов и их обобщением. При этом основной задачей историографов является поиск предшественников и выявление преемственности этнографического знания. Это направление развивал немецкий этнограф В. Мюльман.

2. Второй вариант представляет собой концепцию разрывов преемственности и научных революций.

В первом случае данный вариант представлен концепцией «перманентной научной революции» К. Поппера, еще близкой к кумулятивизму: революционные открытия неразрывны с предшествующей эпохой и совершаются постоянно [Там же. С. 11].

Во втором случае трансформации концепций сосредоточены в определенных периодах – периодах научных революций. Ярче всего эта мысль выражена

у Т. Куна, который такую систему норм, регулирующую всё в данной науке, именует парадигмой. При этом одни ученые искали логику в череде революций, обусловленную внутренними законами данной науки (А. Койре), а другие – внешнюю логику, заданную внешними факторами – социальными, экономическими, политическими, воздействием смежных наук и т.п. (экстерналисты, например Ф. Энгельс, Дж. Бернал) [6. С. 11].

В третьем случае Имре Лакатош считал, что парадигмы появлялись лишь на поздней стадии развития науки, они действовали не во всех науках и не были столь абсолютными, как это постулировал Кун. Они, скорее, сосуществовали и боролись как альтернативные, конкурирующие концепции науки [Там же].

3. Наконец, сочетание двух взглядов на развитие науки – кумулятивной концепции и дисконтинуизма – породило комбинационную трактовку. По ней, есть в науке обе тенденции, они дополняют одна другую, и каждая концепция дает только часть истины. Идею взаимодополнительности концепций пропагандировал Нильс Бор [Там же].

Таков очень общий систематический обзор возможных трактовок концептуальной этнографической историографии.

Рассмотрим шестиэлементную группу. Здесь комментарийной группе можно поставить в соответствие конференции, обзорную историографию, организационные характеристики науки. Теоретической историографии будут соответствовать биографический подход, аналитическая источниковая историография и научные школы.

Конференции. Известно, что профессиональные общества, в том числе и этнографическое, находятся в режиме постоянной перманентной перегруппировки, особенности которой уточняются на каждой конференции, конгрессе или симпозиуме. Поэтому такие сообщества нуждаются в аналитических публикациях и отчетах о проведенных конференциях. По своему характеру конференции могут носить как внутродисциплинарный, так и междисциплинарный характер. Еще Гёте заметил, что «науки... столько приобретают от споров, сколько и от согласия, а часто гораздо больше». На научных форумах в ходе сопоставления различных точек зрения создаются особенно благоприятные возможности для дальнейшего развития исторической науки [4].

Биографический подход. Биографическая форма историографии имеет свои достоинства, так как позволяет рельефно раскрыть следующие историографические аспекты [4. С. 150]:

- влияние трудов этнографа на общее развитие этнографической науки;
- значение вклада этнографа в науку;
- гносеологический аспект творческих поисков;
- вопросы психологии научного творчества и этики ученого и т.д.

Биографическая форма дает возможность анализировать труды этнографа либо в хронологической последовательности, либо по проблемам, которые интересовали исследователя.

В деле воссоздания портрета этнографа немало важное значение имеет вхождение в лабораторию его

творчества – многогранного историографического явления. Проникновение в лабораторию творчества, таким образом, необходимо для того, чтобы увидеть и понять генезис и диалектику движения научной творческой мысли, проанализировать научную концепцию историка.

В этнографической историографической литературе имеется значительное число критических очерков о взглядах и работах отдельных зарубежных авторов, как классиков (Морган, Тэйлор и др.), так и особенно новых (Боас, Малиновский, Радклифф-Браун, Лесли Уайт, Леви-Стросс и др.), в посвященных им статьях или попутно при изложении тех или иных общих вопросов [4].

При таком подходе, с исторической точки зрения, трудно решить, с чего начать изложение того, что в наши дни считается этнографической мыслью. Так, Борофски (1995) возвел формирование антропологии к Моргану, Тайлору и Фрейзеру и выделил «период героических менторов» Боаса, Малиновского, Радклифф-Брауна и Дюркгейма, основателей современной антропологии, вокруг которых создавались школы [7. С. 8–9].

Другой подход демонстрировал Э. Эванс-Причард, который попытался изложить историю фундаментальных идей классиков в исторической последовательности. Проблема, с которой столкнулся Э. Эванс-Причард, заключалась в том, а «с чего начать, так как размышления о природе социальных институтов уходят в глубину самых ранних этапов литературной мысли... Аристотель и Платон, конечно, могли послужить отправной точкой, однако же расстояние от них слишком велико, а путь слишком извилист и неясен, и начини мы с них, мы никогда бы не добрались до нынешнего времени. Я подумывал об Ибн Хальдуне, Вико, Бэконе, Монтене, Бодене, Боссюэ, Гоббсе и Локке – но нет. Я даже пробовал начинать с Макиавелли – но снова нет. Мы начнем с Монтескье, который по справедливости может считаться основателем современной социологии» [10. С. 13].

Попытка создания концептуальной модели жизненного и творческого пути ученого была сделана с помощью метода системной классификации. С её помощью Ю.П. Холушкиным было создано 25 классификационных фрагментов, благодаря которым стало возможным отражать судьбы отдельных людей (ученых) со всеми изменениями, происходившими в их жизни [18. С. 35–36].

Современный уровень исследований по социальной психологии дает возможность классифицировать и общественно-психологические явления историографического творчества, познать образ мышления, эмоции, настроения исследователя. Познание соотношения идеологии и психологии, в свою очередь, помогает изучению этого процесса. Создание творческого портрета историка, разумеется, под силу высококвалифицированному историографу [4].

Научные обзоры. В процессе саморегулирования науки огромную роль играют обзорные публикации. Обзор – это начальная, самая первая ступень сжатия, обобщения накопленных результатов. Ясно, что из всех этапов укрупнения знаний обзор наиболее опера-

тивен. В то же время он представляет собой часть сквозного процесса изменения научных представлений, отбора новых результатов с целью их отчуждения в форме признанного достоверного знания. Выполняя эти роли, обзоры связывают науку в единое целое, сохраняют ее жизнеспособность, оберегают ее от опасности быть захлестнутой массой отрывочных сведений, добываемых повторно и, следовательно, впустую [19].

Историографические статьи обзорного плана отличаются большим количеством ссылок и не являются собственно научными, а принадлежат, скорее, к обзорным статьям, открывающим доступ к последним публикациям в той или иной области, кратко пересказывая их содержание. Единственное новое открытие, о котором можно сказать, состоит в том, что различие между обзорными и исследовательскими статьями оказалось не столь значительным, как этого можно было бы ожидать: оба типа статей в настоящее время незаметно переходят друг в друга. Мало того, обзорные статьи дают своего рода фотографию исследовательской деятельности в дисциплине [20].

Различают три основных вида обзоров: библиографические, реферативные и аналитические.

Первый из них – сводка, содержащая характеристику документов, появившихся за определенный период и объединенных с помощью специальной, обычно присущей только данному обзору рубрикации. Обзор реферативный содержит, кроме этого, сводную характеристику проблем, рассмотренных в первичных публикациях, но не дает им критической оценки. Аналитический обзор (его можно называть также критическим) содержит всесторонний анализ информации, ее аргументированную оценку, формулировку перспектив и ближайших задач по дальнейшему изучению предмета. В последние годы все большее распространение получают самообзоры – обобщающие статьи, дающие сводку достижений того или иного ученого или отдельной научной школы. Как правило, их тоже можно относить к разряду аналитических [4].

Аналитические источниковые публикации предполагают получение экспертных оценок путем логического анализа этнографических источников.

Организационные характеристики науки – это раздел историографии, в рамках которого исследуются типы организации и форм исследовательской работы в области этнографии. Они включают систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров и т.д. Кризис российской экономики, а как следствие – сокращение финансирования науки, ставит вопрос об эффективности исследовательской деятельности. Для постановки и решения практических задач этнографии, перевода ее на рельсы интенсивного развития, требуется по возможности более полное и систематическое исследование закономерностей и механизма функционирования научной деятельности в структурном и динамическом аспектах [21. С. 92]. Не зная её характеристик, нельзя управлять системой науки в целом.

Научные школы. В книге С.А. Токарева об истоках возникновения научных школ этнографической науки присутствует только общеисторическая перио-

дизация. В двенадцати главах после первой рассмотрены одно за другим основные направления и школы этнографии, расположение которых соответствует последовательности их появления в этнографической науке [3].

В Советском Союзе совместно с этнографами ГДР была предпринята попытка систематизации и терминологического упорядочения научных направлений и школ мировой «этнографии» [22]. Создатели этого свода придерживались линейного бессистемного неупорядоченного описания понятий и терминов. По мнению Л.С. Клейна, «здесь на равных правах фигурируют сформировавшиеся направления и их локальные или персонально выделенные подразделения. Совершенно очевидно, что культурный материализм и “холокультурализм” являются лишь подразделениями неозволюционизма, родственна холокультурализму и “амстердамская школа”; “финская школа” – это фольклористический вариант диффузионизма; когнитивная антропология и “лейденская школа” входят в структурализм и т.д.» [6. С. 8–9].

Критерии оценки научных школ, которыми руководствовались в ходе реализации государственной программы поддержки научных школ России, по мнению ряда исследователей, были недостаточно проработаны [23. С. 8–24]. Программа заставила ученых по-новому посмотреть на «старые» проблемные области в изучении научных школ. Е.З. Мирская считает, что «эта специфическая отечественная проблема, в которой реальность подчас не отделена от мифологии, требует серьезного научного анализа в любом случае. Даже само понятие “научная школа” настолько неоднозначно и прилагается к таким разным феноменам, что это дает возможность трактовать идею поддержки школ как угодно: и с пользой для сохранения отечественной науки, и с большим вредом» [Там же. С. 8]. Тем не менее позитивный эффект программы заключался в том, что она вызвала новый виток интереса к изучению феномена научной школы.

В другом случае понятие «научная школа» подразумевает идейную и методологическую направленность, унаследованную от предшественников.

Особенностями таких научных школ являются: 1) преемственность идей и подходов в науке; 2) организация; 3) степень групповой сплоченности во имя решения поставленной задачи; 4) общность научных интересов представителей школы и научная значимость рассматриваемых проблем; 5) уровень научных результатов школы и ее признание в стране и за рубежом; 6) роль научного лидера, стабильность и перспективы школы (преемственность научных поколений, работа с научной молодежью, работа постоянного научного семинара). В таких школах выработаны жесткая профессиональная этика и чувство цеховой солидарности. Вторым качеством научной школы является комплекс преданий, воспринятых в юности как свои, оперативный научный обмен, осуществляемый по формальным и неформальным каналам.

Формирование научной школы начинается с «Фазы формирования и развития коммуникационной сети научной школы» [24]. Это период относительно разрозненной работы будущих участников и их неболь-

ших групп (часто группы аспирантов во главе с руководителем) над близкой по содержанию проблематикой. Общение идет в основном через формальные каналы, причем его участники еще не считают себя связанными друг с другом, внутри какого-нибудь объединения чем-либо, кроме содержания изучаемых проблем, и идентифицируют себя (при социологических опросах, например) с различными уже сложившимися и признанными направлениями исследований.

Следующая за ней фаза интенсивного развития программы нового направления происходит за счет действий сплоченной группы, которую образуют наиболее активные участники сети коммуникаций. Эта группа формулирует и отбирает для остронаправленной разработки небольшое число наиболее важных проблем, в то время как остальные участники сети получают оперативную информацию о каждом достижении новой группировки, ориентируются на нее в планировании своих исследований и обеспечивают тем самым разработку проблематики по всему фронту. Происходит институционализация новой специальности [24].

На деле основной критерий выделения научных школ – это именно наличие особой крупной концепции, в основном методологической. В этом смысле школа совпадает с направлением или течением.

Методы исследования, отражающие альтернативно-тождественное понятие, являются наиболее динамичным компонентом этнографической историографии науки, который движет ее вперед. Появление новых методов часто приводит к изменению соотношения и роли старых и новых методов, а не к утрате первыми всякого значения. В отличие от конкретно-исторических фактов и концепции, подверженных быстрому обновлению, методы исследования отличаются наибольшей «живучестью» [25].

В настоящее время в современной историографии этнографии сложилась система принципов и методов познания. Среди них можно выделить:

1. Индивидуализирующий метод: получил развитие в трудах немецких авторов Б. Виндельбанда и Г. Риккерта. Так, например, Риккерт писал: «Резко ограничивши понятия исторических наук от понятий естествознания, мы тем самым найдем искомую основную противоположность эмпирических наук, после чего нам не трудно будет показать, что при исследовании жизни природы все же пользуются преимущественно естественно-научным, при исследовании культуры – главным образом историческим методом» [26. С. 50].

2. Цивилизационный принцип, основателем которого был немецкий профессор Г. Рюккерт, который выдвинул идею о существовании в истории параллельных замкнутых культурных образований, имеющих целый набор признаков: географических, этнографических, социально-экономических, культурных [27. С. 152].

Бесспорно, принципы и подходы имеют важное значение в изучении прошлого. Однако не меньшую роль играют здесь и методы исторического познания предмета.

Среди этих методов историографии можно упомянуть: метод «идеальных типов» немецкого ученого

М. Вебера; метод структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон), которые в качестве определяющей структуры при изучении общества берут совокупность общепринятых норм, принуждающих человека выполнять функциональные требования социальной системы; метод структурного анализа (К. Леви-Стросс, М. Фуко), подчеркивающий базисное значение языково-знаковых структур.

Следует также упомянуть выдвинутые академиком И.Д. Ковальченко основные методы исторического познания [25. С. 169–180]: историко-генетический метод, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный.

Пентадная группа сформирована на основе масштабного географического представления историографии этнографической науки в диапазоне от локальной до мировой. При этом корпус актуально действующих в данный момент времени публикаций расчленен на «эшелоны», находящиеся на различном удалении от переднего края научных исследований.

Локальная историография изучает процесс накопления этнографических знаний локального масштаба. Некоторые исследователи под локальной историографией подразумевают «обзорграфию» как одно из проявлений (сознательного или стихийного) отрицания рационально-теоретического подхода к изучению местной истории, показатель невысокого уровня исследовательской культуры. Термин «обзорграфия» в научный оборот введен А.И. Зевелевым [4. С. 139].

Региональная историография изучает региональные особенности традиционной культуры народов: хозяйство, материальная и духовная культура, основные традиционные общественные институты и основные тенденции этнических процессов.

Страноведческая историография – дисциплина, занимающаяся комплексным изучением этнографической историографией стран, систематизирующей и обобщающей разнородные данные об их природе, населении, экономике, культуре и социальной организации.

Континентальная историография – дисциплина, освящающая континентальную этнографическую традицию, ключевыми фигурами которой являются Хайдеггер, Арендт, Сартр, Фуко и Деррида и др., которые помещаются в общий контекст развития этой традиции, начиная с Просвещения.

Мировая историография освещает и обобщает макроэтнографический уровень развития науки. На этом полюсе шкалы центр тяжести исследований связан с интерпретацией, ибо в данном случае необходимо найти место каждого этнографического явления во всемирно-историческом процессе.

Таким образом, опираясь на системную классификацию, мы попытались проследить логику становления и развития этнографической историографии. Одним из способов проверки системной классификации является её применение вширь, например для того, чтобы классифицировать и сопоставлять не только разделы этнографии, но и подразделы историографических разделов других наук, частности археологии, истории, истории, источниковедения и филологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданников Е.Д., Холушкин Ю.П. Системная классификация социологических и археологических понятий. Новосибирск, 1990. 182 с.
2. Холушкин Ю.П. Системная археология. Новосибирск, 2010. 554 с.
3. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978а. 352 с.
4. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М. : Высш. шк., 1987. 160 с.
5. Токарев С.А. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М., 1978б. 168 с.
6. Клейн Л.С. История антропологических идей. СПб., 2014. 744 с.
7. Борофски Р. Введение к книге «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 3–18.
8. Honigmann J.J. The development of anthropological ideas. Homewood Illinois : Dorsey Press, 1976.
9. Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М. : Наука, 1979. 288 с.
10. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М., 2003. 358 с.
11. Service E. A Century of Controversy: Ethnological Issues From 1860 To 1960. L. : Academic Press, 1985. 351 p.
12. Barnard A. History and Theory in Anthropology. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 256 p.
13. Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
14. Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, 1988. 157 p.
15. Христофорова О. Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии // НЛЮ. 2004. № 70. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/hri5.html>
16. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, 1990. 209 с.
17. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20.
18. Деревянко А.П., Воронин В.Т., Холушкин Ю.П. Статистический анализ кадрового состава археологов Новосибирского научного центра // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994. С. 32–42.
19. Тодрес З.В. Что дает обзор? // Химия и жизнь. 1983. № 11. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/scilang/rev.htm>
20. Мирский Э.М. Массив публикаций и система научной дисциплины // Социология науки. М., 2000. URL: <http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mirdis.htm>
21. Яблонский А.И. Математические модели в исследовании науки. М. : Наука, 1986. 353 с.
22. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М. : Наука, 1988. Вып. 2. 224 с.
23. Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки. Социологический анализ проблемы // Науковедение. 2002. № 3. С. 8–24. URL: http://sst.nw.ru/wp-content/uploads/2017/02/2013_4-Sociology.pdf
24. Малинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Социология науки. М., 2000. URL: <http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mull.htm>
25. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. 440 с.
26. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология XX век. Антология. М., 1995. С. 69–101.
27. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. 776 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 октября 2017 г.

THE SYSTEM BIBLIOGRAPHICAL CLASSIFICATION OF ETHNOGRAPHIC HISTORIOGRAPHY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 80–88.

DOI: 10.17223/15617793/424/11

Vladislav M. Kulemzin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kholush45@gmail.com

Yuriy P. Kholyushkin, State Public Scientific-Technical Library, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kholush45@gmail.com

Keywords: system classification; general theoretical historiography; commentary historiography; chronicle historiography; conceptual historiography.

In the article the authors presented the fragment system classification of ethnographic historiography based on the universal classification model. This classification involves the use of dialectic laws to identify systemic links between concepts. The content of the model is seen through six consecutive conceptual formations, ranging from a supporting concept and ending with a five-element group. The initial classification is presented in the form of a supporting concept – a common ethnographic historiography and an alternative-identical concept – historiographical methodology, which, with further in-depth consideration, has its own hierarchical structure in the form of classification fragments. The diad group is divided into commentary and theoretical historiography. Commentary historiography is the most common type of historiographical description based on a simple statement of known facts, whereas the task of theoretical historiography is to analyze the source base, the nature of the use of ethnographic sources, specific methods for studying ethnographic facts, to determine the place of ethnographic scientific schools and directions, to study the organization and forms of research work in the field of ethnography, including the system of research institutions, universities, museums, archives, researchers' training system, analysis of the problems of ethnographic research, its development and expansion. At the next structural level, the authors single out chronicle historiography – “description of archaeological research in its chronological order”, source historiography that studies the “history of archaeological knowledge on the basis of material and written sources” and conceptual historiography “studying the theoretical and methodological principles inherent in every direction of archaeological thought and the study of archaeological concepts created by various ethnographic directions and schools, revealing the moments of continuity of ethnographic knowledge”. The methodology of historiography is a “sequence of specific procedures, whose implementation ensures the achievement of a given aim of historiographical research”. The numerous and voluminous quotations presented above intend to demonstrate that conceptually the problem of the subject field of ethnographic historiography remains undeveloped. The classification is completed by a five-element group, characterized by the scales of a historiographical study.

REFERENCES

1. Grazhdannikov, E.D. & Kholyushkin, Yu.P. (1990) *Sistemnaya klassifikatsiya sotsiologicheskikh i arkheologicheskikh ponyatiy* [System classification of sociological and archaeological concepts]. Novosibirsk: Nauka.
2. Kholyushkin, Yu.P. (2010) *Sistemnaya arkheologiya* [System archaeology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
3. Tokarev, S.A. (1978a) *Istoriya zarubezhnoy etnografii* [The history of foreign ethnography]. Moscow: Vyssh. shkola.

4. Zevelev, A.I. (1987) *Istoriograficheskoe issledovanie: metodologicheskie aspekty* [Historiographical research: methodological aspects]. Moscow: Vyssh. shk.
5. Tokarev, S.A. (1978b) *Istoki etnograficheskoy nauki (do serediny XIX v.)* [The origins of ethnographic science (until the middle of the nineteenth century)]. Moscow: Nauka.
6. Kley, L.S. (2014) *Istoriya antropologicheskikh ucheniy* [The history of anthropological teachings]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Borofski, R. (1995) Vvedenie k knige "Osmyslivaya kul'turnuyu antropologiyu" [Introduction to the book "Comprehending cultural anthropology"]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 3–18.
8. Honigmann, J.J. (1976) *The development of anthropological ideas*. Homewood, Illinois: Dorsey Press.
9. Averkieva, Yu.P. (1979) *Istoriya teoreticheskoy mysli v amerikanskoj etnografii* [The history of theoretical thought in American ethnography]. Moscow: Nauka.
10. Evans-Prichard, E. (2003) *Istoriya antropologicheskoy mysli* [The history of anthropological thought]. Translated from English. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Service, E. (1985) *A Century of Controversy: Ethnological Issues From 1860 To 1960*. Leningrad: Academic Press.
12. Barnard, A. (2000) *History and Theory in Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
14. Geertz, C. (1988) *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Stanford: Stanford University Press.
15. Khristoforova, O. (2004) Mezhdru stsientizmom i romantizmom: Klifford Girts o perspektivakh antropologii [Between Scientism and Romanticism: Clifford Geertz on the prospects of anthropology]. *NLO*. 70. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/hri5.html>.
16. Sagalaev, A.M. & Oktyabr'skaya, I.V. (1990) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk: Nauka.
17. Engels, F. (1961) Anti-Dyuring [Anti-Duhring]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
18. Derevyanko, A.P., Voronin, V.T. & Kholyushkin, Yu.P. (1994) Statisticheskii analiz kadrovogo sostava arheologov Novosibirskogo nauchnogo tsentra [Statistical analysis of the personnel composition of archaeologists of the Novosibirsk Scientific Center]. In: Derevyanko, A.P. & Kholyushkin, Yu.P. (eds) *Metodologiya i metodika arheologicheskikh rekonstruktsiy* [Methodology of archaeological reconstruction]. Novosibirsk: IAE.
19. Todres, Z.V. (1983) Chto daet obzor? [What does the survey provide?]. *Khimiya i zhizn'*. 11. [Online] Available from: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/SCILANG/REV.HTM>.
20. Mirskiy, E.M. (2000) Massiv publikatsiy i sistema nauchnoy distsipliny [The mass of publications and the system of scientific discipline]. In: Lebedev, S.A. (ed.) *Sotsiologiya nauki* [Sociology of science]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mirdis.htm>.
21. Yablonskiy, A.I. (1986) *Matematicheskie modeli v issledovanii nauki* [Mathematical models in the study of science]. Moscow: Nauka.
22. Zel'nov, I. et al. (eds) *Etnografiya i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniya. Metody* [Ethnography and related disciplines. Ethnographic sub-disciplines. Schools and directions. Methods]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
23. Mirskaya, E.Z. (2002) Nauchnye shkoly kak forma organizatsii nauki. Sotsiologicheskii analiz problemy [Scientific schools as a form of organization of science. Sociological analysis of the problem]. *Naukovedenie*. 3. pp. 8–24. [Online] Available from: http://sst.nw.ru/wp-content/uploads/2017/02/2013_4-Sociology.pdf.
24. Malinz, N. (2000) Model' razvitiya teoreticheskikh grupp v sotsiologii [Model of development of theoretical groups in sociology]. In: Lebedev, S.A. (ed.) *Sotsiologiya nauki* [Sociology of science]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/mull.htm>.
25. Koval'chenko, I.D. (1987) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow: Nauka.
26. Rickert, H. (1995) Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Sciences on nature and sciences on culture]. Translated from German. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya XX vek. Antologiya* [Culture studies of the twentieth century. Anthology]. Moscow: Yurist.
27. Semenov, Yu.I. (2003) *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow: Sovremennye tetradi.

Received: 02 October 2017